

А. А. Лагунов

## ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ И МОЛИТВЕННОЕ ДЕЛАНИЕ КАК СПОСОБЫ ПОСТИЖЕНИЯ МИРА

В статье рассматривается сходство состояний декартовой медитации и молитвенного бодрствования, одинаково ведущих познающего субъекта соответственно к «интеллектуальной интуиции» или к откровению, позволяющим ему выйти за пределы эмпирии, предметной данности, и созерцать сущность-заданность. Утверждается, что для православного богословия, в отличие от католической теологии, первично молитвенное творчество, совершенствуемое в опыте подвижничества, а вербализация и рационализация этого опыта имеют служебный характер. Восторжествовавшая же в западной познавательной традиции антропоцентрическая эпистемология отказала метафизике в праве на существование, что сделало проблематичным и сам процесс философствования, невозможный без удивления данным и устремленности в непознанное, в котором это данное задается. Потому постепенно деградирует и философия как совокупность выкристаллизовавшихся в процессах «молитвенного» философствования философских систем, своеобразных ступеней на жизненном пути к истине. Таким образом, наука выбрала не путь молитвенной сосредоточенности мышления, стремящегося постичь мир в его началах, а путь языческой магии, настроенной на нахождение скрытых в природе сил, которые бы смогли обеспечить могущество познавшему их человеку.

**Ключевые слова:** философствование, философская система, молитва, способы познания, метафизика, трансцендентальная философия, богословие, картезианское сомнение, сознание, интуиция.

По мысли Аристотеля, «люди и теперь, и впервые начали философствовать» вследствие удивления, «причем вначале они испытали изумление по поводу тех затруднительнейших вещей, которые были непосредственно перед ними, а затем по-настоящему продвинулись на этом пути дальше и осознали трудности в более крупных вопросах»<sup>1</sup>. Удивленные и изумленные повседневностью, удовлетворявшей ранее и удовлетворяющей сегодня большинство практически мыслящих людей, немногие представители рода человеческого не ограничились сферой чувственно данного, предметного, и пошли дальше, изыскивая скрытые причины вещного мира, задающие законы его существования. Но на этом пути возникали непреодолимые трудности, связанные с ограниченностью возможностей познания, с принципиальной относительностью нелегко добываемых знаний. Человек увеличивал область им познанного, но одновременно и многократно расширял границы этой области, соприкасающиеся с неведомым, осознавая при этом, что чем больше он знает, тем шире круг вопросов, на которые он не может ответить, и многие из последних не оставляют ему никакого шанса для достоверного, убедительного для всех ответа даже в далеком будущем.

Люди «впервые начали философствовать», но завершить свое начинание они уже никогда не смогут, поскольку философствование — это процесс, так же как и процесс жизненный, не имеющий своего окончания до тех пор, пока существует человек, пока в нем наличествует интенция к любомудрствованию. Этот процесс породил многогранный феномен философии, представляющий собой совокупность философских

*Алексей Александрович Лагунов* — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (emaillag@mail.ru).

<sup>1</sup> Аристотель *Стагирит*. Метафизика / Е. Басова, ред. М., 2006. С. 10.

систем, выкристаллизовавшихся ступенек мысли, по которым всякий начинающий философствовать может сразу подняться на высоты любознания, уже достигнутые его предшественниками, и даже еще выше, но только при одном условии: если он не будет останавливаться на какой-либо из множества ступенек, не превратится в эпигона той или иной философской системы, поскольку философствование есть путь, по которому нужно постоянно идти.

Постоянство процесса философствования обуславливается, с одной стороны, ограниченностью человека, в том числе свойственных ему познавательных способностей, с другой — его открытостью перед неведомым, возможностью соприкоснуться с ним, раздвигая границы познания. Причем не только соприкоснуться, но и погружаться в это неведомое, метафизическое, трансцендентное физическому миру, однако при этом и имманентное ему, поскольку оно является источником вечно искомых скрытых причин всех чувственно данных вещей, явлений, процессов, постигаемых человеком.

Символически соотношение метафизического и физического в нашем познании выражается в образе креста: человек как житель двух миров — горного и долинного — распят между этими мирами; постигая данность в органах чувств горизонтали, он не может не возвыситься по вертикали заданности или же погрузиться, тоже по вертикали, в глубины мироздания, что логически означает одно и то же — философствование, придающее высокое достоинство мыслящему субъекту. «Человек — всего лишь тростник, слабейшее из созданий природы, но он — тростник мыслящий... все наше достоинство — в способности мыслить. Только мысль возносит нас, отнюдь не пространство и время, в которых мы — ничто»<sup>2</sup>, — констатировал Б. Паскаль.

Интенция к трансцендированию за пределы чувственного мира, без которой невозможно философствование, выкристаллизовалась в философскую ступеньку трансцендентализма, вернее, в несколько таких ступеней. М. К. Мамардашвили считал, что основателем трансцендентального идеализма являлся Р. Декарт, который в своем опыте «когито» пришел к идеально первым основаниям, предшествующим и миру, и познающему его субъекту (при этом М. К. Мамардашвили делал оговорку: у Р. Декарта термин «трансцендентальное основание» встречается редко, при случае, и лишь у И. Канта он становится специальным понятием: «Я называю *трансцендентальным* всякое знание, занимающееся не столько предметами, сколько нашей способностью познания предметов, поскольку оно должно быть возможным *a priori*»<sup>3</sup>). По мысли Декарта, «...мир — это то, что я представляю в качестве мира. А есть еще нечто до того, как выпали в осадок и кристаллизовались представления на одной стороне мира, а на другой — субъекта, который этот мир наблюдает. Вот это нечто первичное и есть трансцендентальное»<sup>4</sup>. Трансцендентальное есть первое не по причине и не по времени, а именно идеально первое, свободное действие, представимое «в зазоре между первым и вторым шагом», до начала движения мысли (если же это движение началось, то появляется закон). Картезианское сомнение — это «уход в зазор, подвес и глядение оттуда»<sup>5</sup>. Трансцендентальный субъект (или собранный субъект, по Декарту) стоит и длится над двумя пропастями: «Над пропастью материального, изменяющегося и порочного мира, как порочен всякий материальный мир, и вот этого высшего, идеального мира, который тоже пропасть, если мы приписываем ему какие-то неземные свойства недостижимого нами вечного существования»<sup>6</sup>.

Трансцендентальное «я», не являющееся частью мира, М. К. Мамардашвили образно сравнивает с переключателем: «Метафизическое „я“ — это лишь переключатель, который позволяет мне переходить из физического ряда в ряд мысли и обратно»<sup>7</sup>.

<sup>2</sup> Паскаль Б. Мысли. СПб., 2004. С. 93.

<sup>3</sup> Кант И. Критика чистого разума. Ростов н/Д., 1999. С. 54.

<sup>4</sup> Мамардашвили М. Картезианские размышления. М., 1993. С. 115.

<sup>5</sup> Там же. С. 39.

<sup>6</sup> Там же. С. 200.

<sup>7</sup> Там же. С. 138.

Декарт называет его «единичным естеством», Кант — «единичным представлением». М. К. Мамардашвили прибегает для ясности изложения к символу креста, утверждая, что мы «живем в зазоре между жизнью сознания и натуральным потоком, „раскорячены“ в этом зазоре», и на эту «неминуемую распятость между натуральным, природным и чем-то, о чем мы можем говорить только символически»<sup>8</sup>, и указывает символ креста.

Не обходит стороной мыслитель и тему молитвы, называя последнюю «способом собирания сознания», которое само собраться не может и требует специального усилия. Сознание нужно вначале собрать, а потом «держат» как целое: «Мы, реальные люди, иногда в этот режим попадаем — и тогда, по Декарту, мыслим. И когда мыслим — существуем. А выпадаем из этого режима — не существуем. Слово „существование“ относится здесь к бытию в этом режиме... душа мыслит лишь в этом режиме сознания, а мы существуем, когда мыслим... Декарт говорит: человек есть *среднее* между Бытием и Ничто. (Термины „бытие“, „Бог“, „истина“ у него совпадают.)»<sup>9</sup> (по поводу последнего замечания нельзя не вспомнить евангельское «Я есмь путь и истина и жизнь, никто не приходит к Отцу, как только через Меня (Ин 14:6)). Таким образом, в интерпретации М. К. Мамардашвили и интеллектуальная медитация Декарта, и молитва являются способами правильного мышления, восходящего к метафизическому «я» и позволяющего человеку постичь, понять этот мир, его законы и их скрытые от чувственного познания основания. Поэтому не является простым совпадением то, что интуиция, способность выходить за пределы эмпирии, созерцать сущность-заданность, является и в философствовании великого мыслителя, и в религиозном сознании определяющим фактором познания, причем интеллектуальная интуиция философствующего субъекта и откровение как результат молитвенного делаения если не тождественны, то действуют по принципу взаимной дополнительности.

Современная наука предоставляет нам факты, подтверждающие, хотя, согласимся, и косвенно, эти умозрительные выводы. Так, после открытия, сделанного экспертами лаборатории нейро- и психофизиологии Санкт-Петербургского научно-исследовательского института им. Бехтерева, молитвенное бодрствование понимается многими современными учеными как четвертое состояние сознания, наряду с бодрствованием, быстрым и медленным сном. «Когда наши обследуемые погружались в молитву, то происходило замедление ритма биотоков до частоты всего лишь 3 Герц. Эти медленные ритмы носят название „дельта-ритмов“ и наблюдаются только у младенцев до двух-трех месяцев...»<sup>10</sup>, — отмечал руководитель лаборатории профессор Валерий Слезин. Важно отметить, что молитва понимается учеными именно как состояние *со-знания*, состояние, сопутствующее получению знаний.

Молитва и в христианстве всегда понималась не только как прошение о чем-либо, а как нечто гораздо большее. В своем «Точном изложении православной веры» прп. Иоанн Дамаскин, дефинируя молитву, ставит просительный аспект только на второе место: «Молитва есть восхождение ума к Богу или просьба у Бога того, что прилично»<sup>11</sup>. Обратим внимание: прежде всего — восхождение ума, или, как это определялось ранее, — возвышение его по вертикали сверхчувственной заданности, что есть одновременно и вертикальное погружение в глубины мироздания. (Возвращаясь к творчеству Р. Декарта, интерпретированному М. К. Мамардашвили, нельзя обойти стороной метафизические размышления о «единице ума», своеобразном «атоме» мышления, задающем шаг когитального движения, шаг, одновременно ведущий «и в идеальный континуум, в котором Божественный разум, и под эмпирию (или что станет лишь эмпирией

<sup>8</sup> Там же. С. 139–140.

<sup>9</sup> Там же. С. 141.

<sup>10</sup> См.: Петербургские нейрофизиологи открыли четвертое состояние сознания — «молитвенное бодрствование» // Портал «Islam News. Информационное агентство России». URL: <http://www.islamnews.ru/news-9399.html> (дата обращения: 10.03.2016).

<sup>11</sup> Иоанн Дамаскин, прп. Точное изложение православной веры. М., 2009. С. 327.

и вопросом наблюдения). И отделить одно от другого, ухватить отдельно обе части этого шага невозможно: это один шаг, направленный сразу и вверх, и вниз»<sup>12</sup>.)

Молитвенное делание, как и трансцендентально-философское абстрагирование, требует высокой степени сосредоточенности, элиминации всех предметных факторов, заставляющих наш ум заблуждаться, теряться в очевидности, совершать ошибки. Молитва, понимающаяся в христианстве как собеседование с Богом, «предполагает полное отрешение от тварного бытия (она выше естественного любомудрия), абсолютную свободу от всякой страстной мысли... и предельное бесстрашие»<sup>13</sup>. Только такая молитва, трансцендирующая человека в «зазор между жизнью сознания и натуральным потоком», может способствовать постижению им тайн бытия, постижению не окончательному, но прогрессирующему, приближающему нас к пониманию истины, которая не является плодом нашего воображения, а объективно есть. «В молитвах и песнопениях церковных, — писал святой праведный Иоанн Кронштадтский, — по всему их пространству движется Дух истины»<sup>14</sup>.

Именно здесь, на наш взгляд, в молитвенном делании, в духовном опыте, просвещающем «разумные очи сердечные»<sup>15</sup> (св. Макарий Великий), открывающем духовное зрение (в философской терминологии — умозрение), — основание православного богословствования. Для христианских аскетов, отцов Церкви первично молитвенное творчество, совершенствуемое в опыте подвижничества, а вербализация и рационализация этого опыта — уже после и не всегда. Эта методология коренным образом отличается от католической, акцентирующей внимание на рационалистических способах понимания (и одновременно редуцирующей духовность до уровня чувственности, пусть и мистической), а потому приоритетно выделяющей философские (в рационально-теоретическом смысле) способы постижения мира, тем самым дезавуируя когда-то провозглашенную служебную роль философии и подменяя живой духовный опыт догматичной философской системой томизма. И если молитвенный опыт и философствование в качестве способов перманентного восхождения к истине, как отмечалось, еще возможно сопоставлять, то выбор в качестве мировоззренческого основания томизма, пусть даже совершенствующегося в форме неотомизма, такое сопоставление исключает и означает остановку на когда-то выкристаллизовавшейся ступени философской системы, предпочтение догматизма вечному поиску ответов на смысложизненные вопросы, к которому призвано философствование.

Как подчеркивал о. Александр Шмеман, «...существует вечная разница между знанием о Боге и знанием Бога... Православие всегда подчеркивало знание Бога, в то время как о западной традиции можно, несколько упрощая, сказать, что она обращена в основном к знанию о Боге»<sup>16</sup>, которое всегда имеет прагматический аспект. Протестантизм, возникший формально как антагонизм католическому религиозному мировосприятию, по факту только усилил антропоцентрическую тенденцию в христианском познании, чему способствовало полное игнорирование Предания, а, соответственно, и духовного опыта, а также утверждение о доминировании личностного интеллекта в познавательном процессе. Со временем это не могло не привести к становлению «светской» философии и к дальнейшему отказу от богословия вообще, тем самым — к отказу и от молитвенного делания, и от философствования как такового, являющихся действительными способами постижения мира. Иначе, антропоцентрическая эпистемология, делегировавшая человеческому разуму протагоровское качество меры всех вещей, отказала метафизике в праве на существование. Но ведь вместе с философствованием, невозможным без удивления данным и устремленности

<sup>12</sup> Мамардашвили М. Картезианские размышления... С. 247.

<sup>13</sup> Сидоров А. И. Комментарии // Евагрий Понтийский. Аскетические и богословские творения. М., 1994. С. 159.

<sup>14</sup> Иоанн Кронштадтский, св. прав. Моя жизнь во Христе. М., 2013. С. 479.

<sup>15</sup> Православный молитвослов и Псалтирь. М., 1988. С. 17.

<sup>16</sup> Шмеман А., прот. Как преподавать вероучение подросткам // Собрание статей, 1947–1983. М.: Русский путь, 2011. С. 739.

в непознанное, исчезает и философия как совокупность выкристаллизовавшихся в процессах «молитвенного» философствования философских систем, своеобразных ступенек на жизненном пути к истине.

Современная наука, стремящаяся позиционировать себя в качестве строгого знания, основывающегося на «позитивной» установке О. Конта, в соответствии с которой факты и только факты, а не «внутренняя» сущность вещей, не трансцендентальное бытие субъекта должны браться во внимание, тем самым делает основанием мышления предметность, от которой когда-то так предостерегал Р. Декарт, полагая, что зачарованность сознания предметным миром вводит его в заблуждения. Тем самым наука выбрала не путь молитвенной сосредоточенности мышления, стремящегося постичь мир в его началах, а путь языческой магии, настроенной на нахождение скрытых в природе сил, которые бы смогли обеспечить могущество познавшему их человеку; не сакральный путь человеческого понимания «почему?» и «что?», приобщающегося, по Платону, к истинному Бытию, а путь ремесленного совершенствования, «технэ», «знания, как», причастного изменчивой области вечного становления<sup>17</sup>.

Мы начали статью с мысли Аристотеля о возникновении философствования из удивления, у которой имеется продолжение: «Если таким образом начали философствовать, убегая от незнания, то, очевидно, к знанию стали стремиться ради постижения (вещей), а не для какого-либо пользования (ими)»<sup>18</sup>. По-видимому, наука, ставшая сегодня на службу обществу потребления и забывшая свои прежние высокие идеалы, неправомерно, «по инерции» продолжает считать себя наследницей этого великого философа, отказываясь (хотя, согласимся, и имплицитно) от знания как постижения мира и понимания сути вещей и подвергая забвению философскую классику, в которой выкристаллизовались ступеньки познания, вознесшие человека на головокружительную высоту, с которой, не имея опоры, так легко упасть вниз.

## Источники и литература

1. *Аристотель Стагирит*. Метафизика / Е. Басова, ред. М., 2006.
2. *Брамбо Роберт С.* Философы Древней Греции. М., 2002.
3. *Иоанн Дамаскин, прп.* Точное изложение православной веры. М., 2009.
4. *Иоанн Кронштадтский, св. прав.* Моя жизнь во Христе. М., 2013.
5. *Кант И.* Критика чистого разума. Ростов н/Д., 1999.
6. *Мамардашвили М.* Картезианские размышления. М., 1993.
7. *Паскаль Б.* Мысли. СПб., 2004.
8. Петербургские нейрофизиологи открыли четвертое состояние сознания — «молитвенное бодрствование» // Портал «Islam News. Информационное агентство России». URL: <http://islamnews.ru/news-9399.html> (дата обращения: 10.03.2016).
9. Православный молитвослов и Псалтирь. М., 1988.
10. *Сидоров А. И.* Комментарии // Евагрий Понтийский. Аскетические и богословские творения. М., 1994.
11. *Шмеман А., прот.* Как преподавать вероучение подросткам // Собрание статей, 1947–1983. М., 2011.

<sup>17</sup> См.: *Брамбо Роберт С.* Философы Древней Греции. М., 2002.

<sup>18</sup> *Аристотель Стагирит*. Метафизика / Е. Басова, ред. М., 2006. С. 10.

***Aleksey Lagunov. Philosophical Inquiry and the Work of Prayer as Ways of Understanding the World.***

The author of this article examines the similarity of states in Cartesian meditation and in prayerful vigil, each of which leads the cognizant subject, respectively, either to “intellectual intuition” or to revelation that allows him to go beyond the limits of empirical, objective data, and contemplate essence and predetermination. It is asserted that for Orthodox theology, unlike Roman Catholic theology, primarily the creativity of prayer, perfected in the experience of asceticism, rather than the verbalization and rationalization of this experience, takes on a central role. The anthropocentric epistemology that triumphed in the Western cognitive tradition denied metaphysics the right to exist, which made the philosophizing process itself problematic, impossible without wondering about what is known and aspirations for the unknown in which this known is given. Therefore, philosophy as a set of philosophizing systems viewed as peculiar steps on the life path toward truth and crystallized in the processes of “prayerful contemplation”, degrades. Thus, science has chosen not the path of prayerful contemplation, of thinking and striving to comprehend the world in its beginnings, but the path of pagan magic, tuned to finding forces hidden in nature forces that could provide power to the person who knows them.

**Keywords:** philosophical reasoning, philosophical system, prayer, methods of knowledge, metaphysics, transcendental philosophy, Cartesian doubt, consciousness, intuition.

*Aleksey Aleksandrovich Lagunov* — Doctor of Philosophical Sciences, Professor at the Department of Social Philosophy and Ethnic Studies at the North Caucasus Federal Institute for the Humanities (emaillag@mail.ru).